

IV

Безуспешные попытки освобождения индивидуальности от коллективной души

А. Регрессивное восстановление персоны

Крах сознательной установки — дело серьезное. Он всегда переживается как конец света, как если бы весь мир вернулся назад к первозданному хаосу. Человек чувствует себя покинутым, сбившимся с курса и потерявшим управление кораблем, отданным во власть стихий. Так, по крайней мере, ему кажется. В действительности же, он просто обратился в нужде к коллективному бессознательному, которое отныне берет руководство на себя. Можно было бы умножить количество примеров таких случаев, когда «спасительная» мысль, видение, «внутренний голос» с неотразимой силой убеждения появлялись в критический момент и давали жизни новое направление. Пожалуй, можно было бы привести не меньше примеров того, когда крушение надежд означало катастрофу, разрушавшую всю жизнь, ибо и такие моменты, кроме спасительных, могут приходить» и застревать болезненные идеи, а также могут блекнуть идеалы, что не менее губительно. В первом случае развивается какая-то психическая странность или психоз, а в последнем — состояния дезориентации и деморализации. Однако, в том случае, когда содержания бессознательного прорываются в сознание, замещая его функции своей жуткой властью приговора, встает вопрос о том, как среагирует на это индивидуум. Одолеют ли его в конце концов эти содержания? Или он сразу примет их доверчиво? Или, может быть, отвергнет? (В данный момент я не рассматриваю идеальную реакцию, а именно, критическое понимание.) Первый случай означает паранойю или шизофрению; во втором случае индивидуум может либо превратиться в пророчествующего чудака либо возвратиться к инфантильной установке и оказаться отрезанным от соответствующего ему возрасту и положению общества; третий случай подразумевает *регрессивное восстановление персоны*.

Эта формулировка

настолько отдаёт специальной терминологией, что читатель вполне может предположить, будто она имеет отношение к той сложной психической реакции, которую можно наблюдать в ходе аналитического лечения. Было бы, однако, ошибкой думать, что такого рода случаи появляются только при аналитической терапии. Этот процесс с равным успехом (а часто и лучше) можно наблюдать в других жизненных ситуациях, а именно — во всех тех случаях карьеры, где имело место жестокое разрушительное вмешательство судьбы. По всей вероятности, каждому довелось в той или иной мере испытать на себе превратности судьбы, но обыкновенно они наносят раны, которые заживают и не оставляют после себя уродующих и лишаящих трудоспособности отметин. Однако, здесь мы имеем дело с пагубным опытом (*experiences*

), который может полностью сломить человека или, по крайней мере, покалечить его

навсегда. Возьмем для примера дельца, который пошел на чрезмерный риск и в результате оказался банкротом. Если он не позволит себе пасть духом из-за случившейся с ним неприятности и, поборов страх и уныние, сохранит прежнюю смелость в делах, возможно добавив к ней немного полезной осторожности, то его «рана» заживет без каких-либо остаточных явлений. Но если он все же не выдерживает удара, отказывается от всякого дальнейшего риска и мучительно пытается поправить свою общественную репутацию в рамках гораздо более ограниченной личности, с умонастроением напуганного ребенка выполняя неквалифицированную работу на должности,

которая значительно ниже его возможностей, то, говоря на профессиональном языке, он, вероятно, восстановил свою персону регрессивным путем. Видимо, в результате испуга он ускользнул в более раннюю фазу своей личности. Очевидно, он поступил низко, притворяясь, будто остается тем же, кем был до этого решающего события (experience), хотя на самом деле не мог даже помыслить о повторении такого риска. Возможно, прежде он хотел большего, чем мог совершить; теперь же он не отваживается даже на то, что ему вполне по силам.

Такие случаи (experiences) встречаются среди лиц любого социального положения и принимают всевозможные формы, а значит, их можно обнаружить и в психологическом лечении. И здесь дело касается расширения личности, риска своим материальным положением или собственной натурой. То, что таким переломным событием (critical experience)

) в текущем лечении является перенесение, хорошо видно на примере нашей студентки философии. Как я уже указывал, у пациента существует возможность бессознательно проскользнуть над рифом перенесения, которое в этом случае не становится содержанием личного опыта, и потому не происходит ничего серьезного. Врач, ради простой выгоды, вполне мог бы желать себе таких пациентов. Но если пациенты интеллектуальны, они скоро открывают для себя существование этой проблемы. И если тогда врач, как в упомянутом выше случае, возвеличивается до отца-возлюбленного и, следовательно, становится объектом бурного потока адресованных ему запросов, он волей-неволей должен до конца продумать пути и средства отражения этой бешеной атаки, чтобы не оказаться самому втянутым в водоворот и, в то же время, не навредить пациенту. Насильственное прерывание перенесения может вызвать полный рецидив или кое-что похуже; поэтому с данной проблемой нужно обращаться с большим тактом и предусмотрительностью. Другой возможностью является благочестивая надежда, что «со временем» это «сумасбродство» прекратится само собой. Конечно, все проходит со временем, но

это

«сумасбродство» может продолжаться весьма долго, и трудности могут оказаться настолько невыносимыми для обеих сторон, что мы могли бы с равным успехом сразу отбросить идею времени как целебного фактора.

Казалось бы, гораздо лучший инструмент для «сражения» с перенесением предлагает теория невротозов, сформулированная Фрейдом. Зависимость пациента объясняется в ней как инфантильный сексуальный запрос (demand), занимающий место здорового распоряжения зрелой сексуальностью. Сходные преимущества предлагает и теория Адлера (Alfred Adler, *The Neurotic C onstitution*

, первая публикация п 1912 г.. перевод на англ. В

Glueck

и

J

. E.

Lind

(

London

, 1921).), объясняющая перенесение как инфантильное намерение обрести власть и как «меру без-опасности» («

security

measure

»). Обе теории так искусно прилажены к невротической ментальности, что любой случай невроза можно объяснить одновременно обеими теориями (Ср.

«On the Psychology of the Unconscious»

(*Collected Works*.

Vol

.
7)

pars

. 44

ff

, где приведен пример одного такого случая. [Русск, пер.: О психологии бессознательного // Юнг К. Г. Психология бессознательного М.: Канон. 1994. —

Прим. пер.}]

). Этот весьма при-мечательный факт, который должен быть подтвержден любым непредубежденным наблюдателем, может опираться лишь на то обстоятельство, что фрейдовский «инфантильный эротизм» и адлеровское «влечение к власти» суть одна и та же вещь, неза-висимо от теоретических расхождений между этими школами. Это просто фрагмент вышедшего из-под контроля, а поначалу и вовсе не поддающегося управлению изначального инстинкта, который обнаруживает себя в феномене перенесения. Архаические формы фантазии, постепенно достигающие поверхности сознания, служат лишь дополнительным доказательством этого.

Мы можем испытать обе теории, раскрыв пациенту глаза на то, насколько инфантильны, невозможны и абсурдны его запро-сы, — и, возможно, в конце концов он одумается и снова возьмется за ум. Однако, моя пациентка оказалась не единственной, кто этого не сделал. Несомненно, врач всегда может спасти свою репутацию с помощью этих теорий и более или менее гуманно выпутаться из тягостного положения.

Действительно, есть пациенты, с которыми не стоит — или кажется, что не стоит — заходить в лечении дальше; но есть и такие, которым эти процедуры наносят бессмысленную душевную рану. В случае моей студентки я смутно чувствовал что-то в этом роде и потому отказался от своих рационалистических попыток ради того, чтобы — пусть с нескрываемым недоверием — дать природе шанс исправить, как мне казалось, ее же собственную глупость. Как уже упоминалось, это открыло мне нечто чрезвычайное, именно, существование бессознательной само-регуляции. Бессознательное может не только «желать», но и отказываться от своих желаний. Это осознание, представляющее огромную важность для целостности личности, должно оставаться недоступным для любого, кто не способен разделаться с мнением, будто дело здесь просто в инфантилизме. Такой человек повернет назад у самого порога этого осознания и скажет себе: «Конечно, все это вздор. Я безумный фантазер! Лучшее, что можно было бы сделать, так это похоронить бессознательное или выбросить его за борт вместе со всеми его сочинениями». Смысл и цель того, о чем он так страстно мечтал, теперь будет представляться ему детским лепетом. Он поймет, что сжигавшее его желание было абсурдным, научится терпимо относиться к себе, смиряться с неизбежностью. На что он способен? Вместо того, чтобы смело вступать в конфликт, он будет, скорее, уходить от него, и — если говорить о пределе его возможностей — будет регрессивно восстанавливать свою разбитую вдребезги персону, обесценивая все те надежды и ожидания, которые расцвели под воздействием перенесения. Он станет мелочнее, ограниченнее, рационалистичнее, чем прежде. Нельзя сказать, чтобы такой исход был безоговорочным несчастьем во всех случаях, ибо есть очень много людей, которые в силу своей заведомой неспособности больше преуспевают в условиях рационалистической системы, чем в состоянии свободы. Свобода — это одно из самых трудных условий жизни. Те, кто в состоянии снести такой выход из положения, могут сказать вместе с Фаустом:

Достаточно познал я этот свет,

А в мир другой для нас дороги нет.

Слепец, кто гордо носится с мечтами,

Кто ищет равных нам за облаками!

Стань твердо здесь — и вокруг следи за всем:

Для дельного и этот мир не нем.

Что пользы в вечность воспарять мечтою!

Что знаем мы, то можно взять рукою.

И так мудрец, весь век свой проведет.

Грозитесь, духи! Он себе пойдет...

(Гете. *Фауст*, II. действие 5.)

Такое решение было бы идеальным, если бы человек действительно был способен избавиться от бессознательного, лишит его энергии и активности. Но опыт показывает, что бессознательное можно лишит только части его энергии; оно не прерывает своей активности, ибо не только содержит в себе либидо но и само является его источником, из которого происходит утечка психических элементов. Поэтому было бы заблуждением считать, будто с помощью какой-то там магической теории или метода можно полностью опустошить бессознательное, выкачав из него либидо, и тем самым как бы устранить его. Можно какое-то время тешить себя этой иллюзией, но наступает день, когда приходится сказать вместе с Фаустом:

Теперь весь воздух чарами кишит,

И этих чар никто не избежит.

Пусть светел и разумен ясный день,

Но в сети снов нас ловит ночи тень;

Пусть весело с прогулки я иду, —

Вдруг ворон каркнет. Что же? На беду.

Так суеверье царствует везде:

То—к горю, это — к счастью, то — к беде.

И вот стоять один, страшась всего...

Дверь скрипнула... Но нет здесь никого...

(Там же.)

Никто не в состоянии по своему желанию лишить бессознательное его законной власти. В лучшем случае, мы можем просто обманываться на сей счет. Ибо, как говорит Гете:

Пусть меня не слышит ухо.—

Громок зов мой в недрах духа:

В разных образах встает

Мой суровый, властный гнет;

(Там же,)

Лишь одно средство эффективно против бессознательного, и это средство — жестокая материальная нужда, или нищета. (Те, кому известно о бессознательном несколько больше, увидят за материальной нуждой тот же самый лик, что когда-то пристально глядел на них изнутри.) Духовная, внутренняя нищета может смениться на материальную, внешнюю нужду, и пока матери-альная бедность оказывается настоящей, а не искусственно сфаб-рикованной, душевные проблемы более или менее утрачивают свою силу. Вот почему Мефистофель дает Фаусту, пресытивше-муся «бессмысленными чарами», следующий совет:

Изволь, вот средство возроденья

Без чар, без денег, без леченья:

Уединись и глуши полей,

Руби, копай, потей за плугом

И ограничить тесным кругом

Себя и ум свой не жален;

Питайся просто в скромной доле,

иви, как скот, среди скотов

И там, где жал ты, будь готов

Сам удобрять навозом поле.

(Гете. *Фауст*, I, сцена 6.)

Хорошо известно, что «простая жизнь» не может быть фальшивой, и потому беспроblemное существование бедняка, действительно предоставленного судьбе, невозможно обрести путем таких дешевых подделок. Только тот, кто живет такой жизнью не по простой возможности, но принужден к ней бедностью своей натуры, будет слепо проходить мимо проблемы собственной души, поскольку ему просто не достаёт способности понять ее. Но стоит ему однажды увидеть проблему Фауста, спасательный выход в «простую жизнь» закрывается для него навсегда. Конечно, ничто не удерживает его от приобретения небольшого домика в деревне, ленивой работы в огороде и употребления в пищу сырой репы. Однако, его душа смеется над этим обманом. Только подлинное обладает способностью исцелять.

Регрессивное восстановление персоны оказывается возможной линией поседения лишь для того, кто переломной неудачей своей жизни обязан собственной раздутости (inflated ness). После того как личность уменьшается, он возвращается к тому, что способен исполнять. Но в любом другом случае смирение и самоуничижение есть просто увертка,

поддерживать которую в течение длительного срока удается только ценой невротического нездоровья. С сознательной точки зрения заинтересованного лица его состояние выглядит и не уверткой вовсе, а кажется обусловленным невозможностью справиться с проблемой. Обычно он оказывается в одиночестве, практически не получая помощи в нашей современной культуре. Даже психологии нечего ему предложить, кроме редуccionистских толкований, поскольку она неизбежно подчеркивает архаический и инфантильный характер этих переходных состояний и тем самым делает их для него неприемлемыми. Ему не приходит на ум, что медицинская теория может, кроме прочего, иметь целью предоставление врачу возможности более или менее элегантно высвободить свою голову из петли. Вот почему эти редуccionистские теории так превосходно соответствуют сущности невроза — потому что они оказывают такую огромную услугу врачу.

Б. Идентификация с коллективной душой

Второй путь ведет к идентификации с коллективной душой. Вообще-то это равносильно принятию инфляции, но теперь она возводится в ранг системы. Другими словами, кто-то претендует на то, чтобы быть *единственным* обладателем той великой истины, которая только и ждет, чтобы её открыли, или обладателем эсхатологического знания, несущего в себе магическую способность обращать язычников в истинную веру. Эта установка далеко не всегда предстает в откровенной форме мегаломании, но чаще принимает более мягкие и привычные формы пророческого вдохновения и страсти к мученичеству. Для людей недалеких, столь часто не обладающих ничем, кроме изрядной доли чес-толюбия, тщеславия и неуместной наивности, опасность под-даться этому соблазну чрезвычайно велика. Доступ к коллектив-ной душе означает для индивидуума обновление жизни, неза-висимо от того, будет ли оно переживаться как приятное или неприятное. Каждому хотелось бы закрепиться в этом новом состоянии: одному — потому что новизна усиливает его жиз-неощущение, другому — потому что обновление обещает богатый урожай знаний, третьему — потому что он нашел ключ к пре-ображению всей своей жизни. Поэтому все те, кто не хочет лишать себя величайшего сокровища, зарытого в коллективной душе, будут всеми доступными средствами поддерживать заново установленную ими связь с изначальным источником жизни (Здесь я хотел бы обратить внимание на интересное замечание
Ка

нт
а
. В своих
лекциях по

психологии он говорит о «сокровище, лежащем в сфере тусклых представлений, той глубокой пучине человеческого знания, недостижимой для нас в принципе». Это сокровище, как я продемонстрировал в своей работе

*Symbols
of
Transformation
(
Collected
Works*

,
Vol
. 5), представляет
со
б
о

й совокупность всех тех изначальных образов, в которые вкладывается либидо или, вернее, которые являются саморепрезентациями

либидо.). По-видимому, идентификация кажется кратчайшим путем к это-му, ибо растворение персоны в коллективной душе настойчиво приглашает соединиться с первичным хаосом и забыть обо всем в его объятиях. Этот осколок мистицизма от рождения застревает в сердцах лучших людей в форме «стремления к Матери», но-стальгии по тем истокам, откуда мы когда-то вышли.

Как я уже показал в своей книге о либидо [*Symbols of Transformations (Collected Works, Vol*

. 5)], в основе этого регрессивного стремления, которое Фрейд понимает как «инфантильную фиксацию» или «желание инцеста», лежит вполне определенная ценность и не менее определенная потребность (*need*

), с явной форме сформулированные в мифах. Ведь именно самые сильные и лучшие среди людей, герои, уступают своему регрессивному стремлению и намеренно подвергают себя опасности быть про-глоченными чудовищем материнской пучины. Но раз это герой, то он потому герой, что как раз и не позволяет чудовищу уничтожить себя, а наоборот, покоряет его, — и не единожды, а многократно. Победа над коллективной душой только и приносит справедливое возмещение за риск — завладение сокровищем, непобедимым оружием, магическим талисманом или чем-то еще, что миф считает наиболее достойным желания. Любой, кто идентифицируется с коллективной душой — или, выражаясь языком мифа, позволяет чудовищу сожрать себя, — и

исчезает в ней, добирается до сокровища, которое сторожит дракон, однако делает это со зла и во вред себе.

Пожалуй, никому из тех, кто осознал абсурдность этой идентификации, не хватило бы мужества возвести ее в принцип. Но опасность заключается в том, что очень многим не хватает совершенно необходимого в такой ситуации чувства юмора, или же это чувство покидает их при подобном, весьма специфическом стечении обстоятельств: их охватывает что-то вроде пафоса, все кажется полным значения, а всякая действенная самокритика сдерживается. Я не стал бы вообще отрицать существования истинных пророков, но во имя осторожности начинал бы с сомнения в каждом конкретном случае; ибо это слишком серьезный для нас вопрос, чтобы не задумываясь признавать того или иного человека настоящим пророком. Каждый заслуживающий уважения пророк решительно борется против этих бессознательных притязаний своей роли. Поэтому, когда на нашем горизонте внезапно появляется пророк, было бы лучше осторожно предположить возможное нарушение душевного равновесия.

Однако помимо возможности стать пророком есть и другое соблазнительное удовольствие, более тонкое и, на первый взгляд, более законное: удовольствие стать учеником пророка. Для подавляющего большинства людей это прямо-таки идеальный способ. Его преимущества: *odium dignitatis* (Невыносимость достоинства (=высокого положения) (лат.). — Прим. пер.),

сверхчеловеческая ответственность пророка, превращается в значительно более приятный

otium

indignitatis

(

Покой недостойности (= низкого положения)

(лат.). — Прим. пер.).

Ученик — недостойный; он учится у Мастера и остерегается иметь собственные идеи.

Умственная лень становится достоинством; по крайней мере, он может греться под солнцем полубожественного существа. Ученик может наслаждаться архаизмом и инфантилизмом своих бессознательных фантазий без ущерба для себя, ибо вся ответственность перекладывается на Мастера. Вследствие обожествления им Мастера, ученик, видимо, не замечая этого, растет и сам. А кроме того, разве не обладает он великой истиной, пусть даже и не им открытой, но все же полученной прямо из рук Мастера? Естественно, ученики всегда держатся вместе, но не из любви, а в результате вполне понятного намерения без усилий поддерживать собственную убежденность в правоте учения путем со-здания атмосферы коллективного согласия.

Это и есть идентификация с коллективной душой, которая, в целом, кажется более

достойной похвалы: кто-то другой не только имеет честь быть пророком, но и несет за это опасную ответственность. Что касается самого идентифицирующегося, то хотя он всего лишь ученик, но, вместе с тем, и один из хранителей огромного сокровища, найденного Мастером. Ученик в полной мере ощущает достоинства и бремя такого положения, считая формальным долгом и моральной обязанностью поносить всех инакомыслящих, вербовать прозелитов и просвещать язычников, — точь-в-точь как если бы он сам был пророком. И те самые люди, что крадучись живут за внешне благопристойной персоной, оказываются как раз теми, кто, раздувшись в результате идентификации с коллективной душой, внезапно появляется на мировой арене. Ибо подобно тому как пророк являет собой изначальный образ из коллективной души, так и с учеником пророка происходит то же самое.

В обоих случаях инфляция вызывается коллективным бес-сознательным, и в результате страдает независимость индивидуальности. Но поскольку отнюдь не все индивидуальности имеют силы быть независимыми, фантазия ученика, возможно, есть верх того, на что они способны. Сопровождающие инфляцию удовольствия хотя бы отчасти компенсируют утрату духовной свободы. Не следует недооценивать и то обстоятельство, что жизнь настоящего или воображаемого пророка полна страданий, разочарований и лишений, так что кричащая осанну шайка (band) учеников обладает компенсаторным значением. Все это по-человечески так понятно, что появился бы повод для удивления, если бы вдруг обнаружилось наличие какой-то более отдаленной цели происходящего.